

Все вещи мира / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Все вещи мира / рассказ ВСЕ ВЕЩИ МИРА

Казалось, так будет продолжаться вечность... Он поднимался и опускался по лестницам пробирался между штабелями, скользая равнодушным взглядом по аккуратно составленным ящикам и пакетам, уложенным в стопки. Когда ему хотелось есть, он брал со стеллажей банки консервов, вскрывал их ножом и ел, не чувствуя вкуса. Он потерял счет времени и уже не пытался проснуться, как в первые часы этого – своего последнего – путешествия. Надежда почти оставила его, и только одна мысль не давала упасть: «Должен же быть конец!»

Но временами казалось, что конца не будет никогда. Появлялось желание разбить голову о стеллажи и больше не суетиться. Чтобы преодолеть это желание, он садился на пол и отдыхал, закрывая глаза и забываясь в полудреме. Ему чудились чьи-то голоса, шаги, он вскакивал и, крича, бежал между штабелями. И каждый раз убеждался, что все ему лишь привиделось, и падал в изнеможении.

Настал час, когда он действительно не смог больше идти и потерял сознание. Потом обморок перешел в тяжелый сон без сновидений. И какие сны он мог бы здесь видеть?! Проснувшись, почувствовал голод. Не спеша пошарил по полкам, набрал провизии, поел. Потом закурил и стал обдумывать свое положение.

С чего все началось?

Жизнь его была обыкновенной, сытой и безбедной, как в общем-то и у других. Но не лучше, не богаче, чем у других. У него было мерило успеха и своего и чужого: вещи. У тебя стереовертушка за восемь сотен и джинсы за две с половиной? Значит, ты живешь лучше меня. Значит, нужно искать вертушку еще дороже и штаны – еще модней. А это было трудно и дорого. Он страдал от сознания, что где-то есть вещи, которыми он никогда не будет обладать. Вот если бы так: захотел – протягивай руку и бери.

...Потом начались сны. Вообще-то снов он видел мало и не помнил, о чем они. И в первый раз очутившись среди полок, заваленных вещами и продуктами, он испугался яркости сновидения и промаялся бессонницей до утра. Попытался трезво разобраться – вещи одолели, уже сниться начинают. Но весь день увиденное не выходило из ума, и вечером, ложась в постель, он вновь представил себе бесконечное хранилище, полное вожаделенных предметов. И опять увидел его. Сон стал возвращаться регулярно, как по расписанию, он привык к нему и стал яростно мучиться от того, что все ему только снится, а проснувшись, он сжимает в пальцах всего лишь край одеяла.

Безумная мысль пришла ему в голову. А что, если во сне не держать вещь в руках, а спрятать в карман? Посмеиваясь над собой, в одном из снов он опустил в карман пижамы пачку сигарет. И на следующее утро затрясся в истерическом хохоте, обнаружив сигареты в кармане!

Так все это правда! Во сне он действительно переходит в какое-то огромное хранилище, неизвестно кем и для каких целей созданное. И все эти богатства могут принадлежать ему, стоит только руку протянуть!

Разум отказывался верить происходящему. Он чувствовал, что сходит с ума. Но ведь вот она, эта пачка! Можно распечатать ее и закурить длинную сигарету, ощущая теплый горьковатый дым и рассматривая роскошную упаковку с изображением благообразного старца, каких-то геральдических лент и корон.

На следующий вечер он лег в постель, не раздеваясь и положив рядом самую большую сумку, какую только смог найти. Возбуждение не покидало его, было трудно уснуть. Он верил и не верил в предстоящее чудо. В кармане едва помещался большой складной нож. Зачем? Он не ответил бы определенно – так, на всякий случай...

Наконец сон победил нервную лихорадку. Как сквозь туман проступили контуры стеллажей, бесконечных проходов, груд всевозможных товаров. Шаг, еще шаг. Вот теперь все реально. Вот они перед ним – все вещи мира!

Теперь не спешить, выбирать осмотрительно, все самых лучших марок... А ведь у хранилища должны быть хозяева и сторожа. Нож

есть, но надо вести себя поосторожней. То, что он делал, он не считал воровством. Не обеднеют же хозяева, если он возьмет ничтожнейшую толику того, что есть в хранилище!

В сумку поместилась пара превосходных магнитофонов, радиоприемник и даже небольшой телевизор. Карманы его куртки были набиты разной ювелирной мелочью. Странно было лишь, что среди сумасшедшего изобилия хранилища не было часов – ни наручных, ни настенных – никаких! Его собственные часы, как выяснилось, стояли все то время, что он находился в хранилище, и начинали идти, когда он открывал глаза у себя в постели. И каждый день ему приходилось переводить стрелки на несколько часов вперед.

Каждую ночь он отправлялся в путешествие, и каждый день он ждал очередного путешествия. Явь постепенно тускнела, потому что в серой череде будней не было красок рекламных оберток, глянцевых обложек проспектов, пестроты этикеток на бутылках, пронзительных цветов анодированного алюминия, сияния хромированных деталей, тяжелого блеска серебра... И сон стал понемногу не средством, а целью. Но все же он смутно понимал, что без яви, без бодрствования нельзя, ибо вечный сон – это смерть...

Однажды он встретил в хранилище другого человека. Это был молодой парень. Он появился в проходе невдалеке и вяло поплелся вдоль полок, не обращая никакого внимания на вещи, переполнявшие стеллажи. В руке его был зажат ремень волочившегося за ним тяжелого автомата. Хозяин! Сейчас парень направит автомат на него и потребует вернуть все то, что он успел взять и перенести в свой дом! Что же делать? Как спастись самому, спасти вещи? Прижимаясь к полкам и медленно, бесшумно отступая, он натолкнулся на какой-то ящик, обошел его и краем глаза увидел надпись. Оружие! Да, это именно то, что ему сейчас нужно! Такой же автомат, как у хозяина. И тогда все будет зависеть от того, у кого тверже рука и быстрее реакция. Осторожно открыть крышку, чтобы она не скрипнула, достать автомат, магазин... Тяжесть оружия в руках придала ему уверенности, и он, уже не таясь, шагнул в проход, держа палец на спуске. Тот, другой, медленно шел навстречу, не поднимая

глаз, и почувствовал присутствие чужого лишь метров за десять. Взгляд хозяина скользнул сначала равнодушно, как будто перед ним был еще один стеллаж, потом в глазах загорелся огонек, парень шагнул вперед, и вроде бы улыбка начала появляться на лице, но автомат в руках пришельца коротко прогрохотал, и тело, чуть не переломившись пополам, ткнулось головой в пол. Не убирая пальца с курка, он медленно подошел, подсознательно ожидая подвоха со стороны хозяина. Но нет, парень был действительно мертв. Он обыскал его карманы, надеясь найти какие-нибудь документы, проливающие свет на происхождение хранилища. Пачка сигарет, зажигалка, нож. То же самое было и у него самого в карманах. Ничего выяснить не удалось. Надо спрятать труп на всякий случай. Место нашлось за огромными ящиками с тушенкой. Ну, вот и все. Теперь хозяином будет он и не потерпит в своих владениях никого чужого.

Убийство не оставило в душе никакого следа, даже память об этом парне стерлась через неделю...

Шло время, он засыпал, отправлялся в очередной поход, нагружал сумки, просыпался, разгружал добытое, готовился к новому путешествию. В первые ночи ему удавалось засыпать сравнительно легко, и так же легко он просыпался. Но как бы в прямой зависимости от гор вещей, что росли у него дома, сновидения-походы становились все более трудновыполнимыми. Он стал прибегать к снотворному. И количество таблеток, требующихся для того, чтобы заснуть, медленно, но неуклонно росло. Просыпаться стало тоже труднее, требовалось все большее напряжение, чтобы, сомкнув глаза в хранилище, открыть их дома. Подсознательно он чувствовал, что когда-нибудь не сможет больше вернуться и останется навсегда среди стеллажей. Давно можно и ну ж по был о остановиться. Каждый раз он давал обещание самому себе: «Сегодня последний раз. И все!» И каждый раз, ослепленный количеством вещей, которые не смог взять, забывал обещание. Он не выходил на улицу, перестал бриться. Дни уходили на то, чтобы хоть немного разобрать вещи, принесенные с собой из снов. Все это было его, его собственностью! И он, сидя на полу, часа ми разглядывал добытое. А потом наступал вечер, и, проглотив еще более

увеличившуюся дозу снотворного, он ложился на постель, прижимая к себе сумки. Он осунулся, питался только консервами, благо выбор их был велик.

И наступил день, когда все его старания проснуться не увенчались успехом.

...Теперь уже не было сил даже плакать. Жадность, жадность погубила его! Он хозяин необъятного склада, и в то же время он раб этого неизмеримого количества вещей.

Если бы здесь был хоть один человек! Неважно, друг ли, враг – лишь бы живой человек, с которым можно было бы перекинуться парой слов, посмеяться анекдоту или просто посидеть, покурить молча, думая о своем. Отчаяние вновь овладело им. На глаза попались ящики с оружием. Он вытащил автомат и, воткнув обойму, начал поливать пулями стеллажи, с какой-то дикой радостью видя, как разлетаются банки, бутылки, магнитофоны и телевизоры. Потом опять наступила тишина, которую прерывало только едва слышное журчание фруктового сока, вытекающего из пробитой банки.

Прошло какое-то время, прежде чем он понял, как бессмыслен был его бунт. Он разгромил всего несколько полок, а ведь здесь тысячи и тысячи таких же! Автомат выпал из рук. Оставался простой и легкий выход – вставить новый магазин и, повернув к себе ствол, нажать на курок.

Но нет, он будет бороться до последнего, до конца! До конца? Его долго ждать. Он не умрет от голода – еды сколько угодно, не умрет от болезней – лекарств тоже хватает. Только старость или случайно свалившийся на голову телевизор могут его убить. Не лучше ли все-таки нажать на курок?

Рука уже потянулась к автомату, как вдруг в отдалении послышался слабый треск. Если бы не мертвая тишина, стоявшая в хранилище, пожалуй, он не расслышал бы этого треска. И больше всего этот звук напоминал автоматную очередь. Значит, он не один? Значит, есть люди в этом кошмарном скопище вещей, безмолвных и слепых?! Мозг его раздумывал, а руки уже поднимали автомат и суетливо вставляли обойму. А теперь передернуть затвор и нажать на курок! Короткая очередь взорвала тишину, отдалась эхом. Треск ответных выстрелов

послышался отчетливее, ближе. Значит, неизвестный идет сюда! Автомат дергался в руках, пахло порохом. Наконец ответные выстрелы послышались совсем близко. Не помня себя от радости, крича, он бросился по проходу. И... наткнулся на автоматную очередь.

Боль пронзила его, заставила согнуться, прижав руки к животу, но не убила сразу. Все поплыло перед глазами, закачалось. Автоматные выстрелы еще гроыхали в ушах. Сквозь грохот послышались шаги, и над ним склонилось лицо. Пристально рассматривали его чужие серые глаза. Шевелились губы – торжествующий победитель что-то говорил. «Теперь это все мое! Мое!» – послышалось умирающему, и усмешка скривила его губы. «Твое, пока тебя не убьет такой же, как ты!» – попытался сказать он, но смог только захрипеть, а затем стеллажи обрушили на него весь свой груз. И в этом водопаде вещей погасли последние искорки света... Некаýalar